

Без сомнения, известное сообщение Повести временных лет, помещенное под 1037 г., о том, что киевский князь Ярослав «сѣбра письце многы... и... прекладаше книги от грѣкъ на словенское письмо»,⁵ следует понимать обобщенно и в более широком смысле, чем указание только на один данный год. Это, очевидно, прямое свидетельство о наличии в Киевской Руси своих переводов, независимых от славянского юга. Расширительно истолковывая указанное сообщение, мы распространяем его на весь период существования Киевского государства, с возможным предположением, что такие переводы могли производиться не только в столице, но и в других культурных центрах тогдашней Руси, например в Галиче или во Владимире в эпоху их расцвета, до татаро-монгольского завоевания.

Весьма естественно предположить, что переводы, сделанные в Киевской Руси в домонгольский период, отличаются какими-то общими для них чертами языка и стиля, благодаря которым они могут быть отделены от переводов южно- и западнославянского происхождения, наряду с ними имевших обращение в древнерусской письменности. Мы имеем право, таким образом, говорить о чертах и традициях какой-то единой древнерусской переводческой школы, так как переводы эти характеризуются общей манерой изложения, одинаковыми стилистическими приемами, хотя они, несомненно, выполнены не одним лицом и не в одно время.

2

Первым, кто обратил внимание на приведенное указание «Начальной летописи» и сделал попытку установить критерий, на основании которого можно было бы из массы памятников древнерусской переводной письменности выделить именно те, которые могли быть переведены непосредственно на Руси, был академик А. И. Соболевский. В 1910 г. он опубликовал статью «Особенности русских переводов домонгольского периода», в которой ставил вопрос, «как отличить переводы, сделанные в домонгольской Руси, от переводов, сделанных у южных славян, и что можно считать переведенным на Руси?»⁶

Как правильно полагал А. И. Соболевский, основная трудность решения поставленного им вопроса заключается в большей или меньшей однотипности языка во всех письменных памятниках, сохранных в рукописной традиции древней Руси, независимо от места и времени их происхождения.

Можно согласиться с названным исследователем также и в том, что по существу язык переводных письменных памятников совпадает и с тем языком, на котором писались такие оригинальные произведения древнерусской литературы, как летописи, жития Феодосия Печерского, Бориса и Глеба, слова Кирилла Туровского и даже «Слово о полку Игореве».

Ввиду указанной однотипности языка во всех без исключения переводных памятниках порою бывает очень трудно отличить переводы, сделанные на Руси, от переводов иного происхождения, особенно в тех случаях, если произведения невелики по своему объему. Однако, по мнению А. И. Соболевского, мы всегда имеем возможность отличить такие переводы тогда, когда произведение имеет более или менее значительный объем.

В качестве критерия, которым следует руководствоваться в данном случае, А. И. Соболевский справедливо признает не признаки фонетики и

⁵ Повесть временных лет, ч. I. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), стр. 102.

⁶ Соболевский, стр. 162.